

А

Н. М. Карамзин

Прекрасная царевна и счастливый карла

Старинная сказка, или Новая карикатура

Русская литературная сказка / Сост. и примеч. Н. А. Листиковой. -- М.: Сов. Россия, 1989.

[OCR Бычков М. Н.](#)

О вы, некрасивые сыны человечества, безобразные творения шутливой природы! вы, которые ни в чем не можете служить образцом художнику, когда он хочет представить изящность человеческой формы! вы, которые жалуетесь на природу и говорите, что она не дала вам способов нравиться и заградила для вас источник сладчайшего удовольствия в жизни -- источник любви! не отчаивайтесь, друзья мои, и верьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми, что услужливые Зефиры ныне или завтра могут принести к вам какую-нибудь прелестную Псишу, которая с восторгом бросится в объятия ваши и скажет, что нет ничего милее вас на свете. Выслушайте следующую повесть.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был *Царь добрый человек*, отец единой дочери, царевны прекрасной, милой сердцу родителя, любезной всякому чувствительному сердцу, редкой, несравненной. Когда *Царь добрый человек*, одетый богатою багряницею, увенчанный венцом сапфиро-рубинным, сидел на высоком троне среди народного множества и, держа в правой руке златой скипетр, судил с правдою своих подданных; когда, вздыхая из глубины сердца, изрекал приговор должного наказания, тогда являлась *прекрасная Царевна*, смотрела прямо в глаза родителю, подымала белую руку свою, простирая ее к судящему, и пасмурное лицо правосудия вдруг озарялось солнцем милости, виновный, спасенный ею, клялся в душе своей быть с того времени добрым подданным царя доброго. Бедный ли приближался к *Царевне*? она помогала ему; печальный ли проливал слезы? она утешала его. Все сироты в пространной области *Царя доброго человека* называли ее матерью, и даже те, которых сама природа угнетала, несчастные, лишенные здоровья, облегчались ее целительною рукою, ибо *Царевна* совершенно знала науку врачевания, тайные силы трав и минералов, рос небесных и ключей подземных. Такова была душа *Царевнина*. Телесную красоту ее описывали все стихотворцы тогдашних времен, как лучшее произведение искусной природы, а стихотворцы были тогда не такие льстецы, как ныне; не называли они черного белым, карлы великаном и безобразия примером стройности. В древнем книгохранилище удалось мне найти одно из сих описаний; вот верный перевод его:

"Не так приятна полная луна, восходящая на небе между бесчисленными звездами, как приятна наша милая *Царевна*, гуляющая по зеленым лугам с подругами своими; не так прекрасно сияют лучи светлого месяца, посеребряя волнистые края седых облаков ночи, как сияют золотые волосы на плечах ее; ходит она, как гордый лебедь, как любимая дочь неба; лазурь эфирная, на которой блистает звезда любви, звезда вечерняя, есть образ несравненных глаз ее, тонкие брови, как радуги, изгибаются над ними, щеки ее подобны белым лилеям, когда утренняя заря красит их алым цветом своим; когда же отверзаются нежные уста *прекрасной Царевны*, два ряда чистейших жемчужин прельщают зрение; два холмика, вечным туманом покрытые... Но кто опишет все красоты ее?"

Крылатая богиня, называемая Славою, была и в те времена так же словоохотлива, как ныне. Летая по всей подсолнечной, она рассказывала чудеса о *прекрасной Царевне* и не могла об ней наговориться. Из-за тридевяти земель приезжали царевичи видеть красоту ее, разбивали высокие шатры перед каменным дворцом *Царя доброго человека* и приходили к нему с поклоном. Он знал причину их посещения и радовался сердечно, желая достойного супруга милой своей дочери. Они видели *прекрасную Царевну* и воспламенялись любовью. Каждый из них говорил *Царю доброму человеку*: "*Царь добрый человек!* Я приехал из-за тридевяти земель, тридесятого царства; отец мой владеет народом бесчисленным, землю прекрасною; высоки терема наши, в них сияет серебро и золото, отливают разноцветные бархаты. *Царь!* отдай за меня дочь свою!" -- "Ищи любви ее!" -- отвечал он, и все царевичи оставались во дворце его, пили и ели за столом дубовым, за скатертью *бранною*, вместе с *Царем* и с *Царевною*. Каждый из них смотрел умильными глазами на прекрасную, и взорами своими говорил весьма ясно: "*Царевна! полюби меня!*" Надобно знать, что любовники были в старину робки и стыдливы, как красные девушки, и не смели словесно изъясняться с владычицами сердец своих. В наши времена они гораздо смелее, но зато *красноречие взоров* потеряло ныне почти всю силу. Обожатели *прекрасной Царевны* употребляли еще другой способ к изъяснению своей страсти, способ, который также вышел у нас из моды. А именно,